

ГЛАВА 1

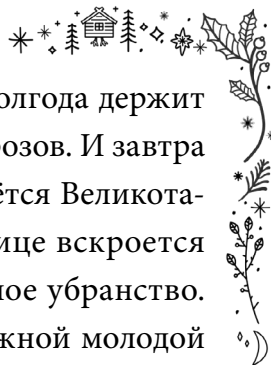
ЯНКА-МЕДВЕДЬ

Все называют меня Янка-Медведь. Но не потому, что меня нашли возле медвежьей берлоги — об этом знают всего два-три человека. Прозвище Янка-Медведь неспроста приклеилось ко мне — я и правда на удивление крупная, высокая и сильная.

Я каланчой возвышаюсь над такими же, как я, двенадцатилетними ребятами, да и над большинством взрослых тоже. И силы во мне побольше, чем в любом из них. Я сильнее даже ледорезчиков, лесорубов и тех немногих охотников-собирателей, которые отваживаются заходить в глубь Снежного леса.

В нашей деревеньке на южной окраине леса проживает с сотню человек. И все они сейчас толкуются на деревенской площади, занятые приготовлениями к завтрашнему празднику.

Снег искрится на солнце, воздух наэлектризован радостным волнением и предпраздничной сумато-

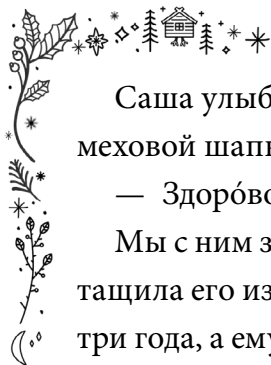

хой. Ещё бы! Зима больше чем по полгода держит нашу деревеньку в плену лютых морозов. И завтра у нас знаменательный день — начнётся Великотаяние снегов. На Большой Заморозице вскрыется лёд, Снежный лес сбросит своё белое убранство. И я смогу бродить под пологом нежной молодой листвы. В глубь леса не пойду — не хочу, чтобы Мамочка тревожилась за меня. Но от одной мысли, что я стою под зеленеющими ивами и перешёптывающимися соснами, щёки мне покалывают тоненькие иголочки счастья.

Меня зовут на помощь, и я иду через площадь, останавливаясь поддержать тяжёлые деревянные балки, пока плотники сооружают сцену для заглавного представления. Потом помогаю вбить в мёрзлую землю столбы для состязаний по лазанью. Тащу с берега реки сани, поскрипывающие под тяжестью здоровенных глыб льда — это для ледяной крепости. Она уже и так высотой с наш деревенский дом собраний, но ребятня упорно карабкается по сверкающим на солнце стенкам, чтобы ещё надстроить крепость.

Наконец я выхожу на середину площади, где мой лучший друг Саша складывает дрова шалашом для праздничного костра. Я улыбаюсь и машу ему рукой.

— Привет, Саша.

Саша улыбается в ответ из-под своей огромной меховой шапки.

— Здорово, Янка.

Мы с ним закадычные друзья с тех пор, как я вытащила его из зарослей крапивы — мне тогда было три года, а ему — все пять. Я натёрла ему ожоги листьями подорожника и попросила взобраться вместе со мной на дерево. Мамоchка утверждает, что именно тогда я первый раз в жизни заговорила.

Саша долговязый, с длиннющими, как у цапли, ногами. До этой зимы мы с ним были почти одного роста, но за последнее время я так вымахала, что теперь запросто смотрю поверх его макушки. Я и представить не могла, что буду такой высокой, и кто знает, привыкну ли я когда-нибудь к своему огромному росту.

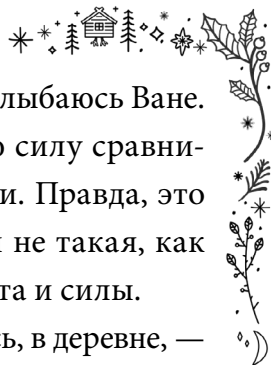
— Как думаешь, дотащим? — спрашивает Саша, приподнимая конец здорового бревна.

— Я и одна с ним управлюсь.

Я взваливаю бревно себе на плечо, и под его тяжестью мои ноги глубоко проваливаются в снег. Саша хватает бревно поменьше, и мы бок о бок топчем к месту для костра.

Нас обгоняет Иван, двоюродный братишка Саши, с целой охапкой веток. При виде меня он широко распахивает глаза и расплывается в улыбке.

— Ох и силачка ты, Янка, прямо как медведь.

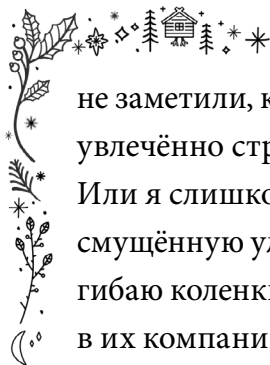

Пристраиваю бревно к другим и улыбаюсь Ване. Я ничуть не против, чтобы мою силу сравнивали с медвежьей. Совсем. Ну почти. Правда, это лишний раз напоминает мне, что я не такая, как другие, — не только из-за своих роста и силы.

Все местные жители родились здесь, в деревне, — как их родители и бабушки-дедушки. Они ходят в прадедовских шубах, которые передаются в их семьях от поколения к поколению, а ночами укрываются стёгаными одеялами, сшитыми их прабабками. Одна я знать не знаю, кто мои настоящие родители и как я очутилась в берлоге у медведицы. От неведения у меня в душе с каждым годом понемногу расплзается прореха.

Я забрасываю на плечо следующее бревно и прогоняю из головы эти постылые мысли. Вскоре шалаш из дров делается высотой с меня, и я улыбаюсь, представляя, как жарко и весело завтра будет гореть костёр.

Невдалеке Саша болтает и смеётся с ребятами, которые уже слезли со стен ледяной крепости. Шапку он снял, и его непослушные вихры торчат во все стороны. Я знаю этих ребят. Что немудрено, ведь на всю деревню нас, детей, не больше двух десятков, и мы ходим в одну школу, так что мне вроде бы нечего их стесняться. Иду к ним, но, как на грех, умудряюсь споткнуться. Хорошо хоть, они

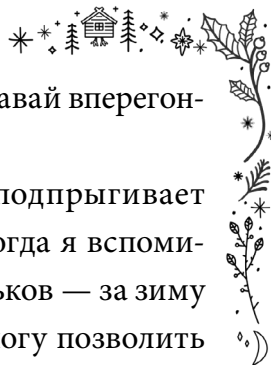
не заметили, как я ступевалась. Наверное, слишком увлечённо строят планы на завтрашний праздник. Или я слишком рослая, чтобы они разглядели мою смущённую улыбку. Втягиваю голову в плечи и подгибаю коленки, но всё равно ростом не вписываюсь в их компанию. И чувствую себя кукушонком среди воробышков.

Между тем блёклое небо постепенно темнеет и колючий морозец даёт о себе знать. Зима на исходе, но до весеннего тепла ещё далеко. Днём снег тает на солнце, а к вечеру подмораживает, и пожалуйста — за ночь снова нарастает лёд и острые длинные сосульки.

Мимо летит снегирь, так близко, что легонько чиркает крылом мою щёку. Он взмывает ввысь и уносится в сторону леса. Отсюда мне видны лишь тоненькие голые ветки на верхушках деревьев, но они, как толстые канаты, притягивают меня. Лишь у вершины холма, который возвышается над нашей деревней, я вдруг замечаю, как далеко ушла от остальных.

Меня нагоняет Саша и, подстроившись под мой шаг, пихает кулаком в плечо.

— Ты чего? — Я пихаю друга в ответ, но, как ни стараюсь смягчить удар, едва не сбиваю его с ног. В руках у Саши коньки, которые тесёмками подвываются к ботинкам.

— Хочу всё-таки обогнать тебя. Давай вперегонки до моего дома?

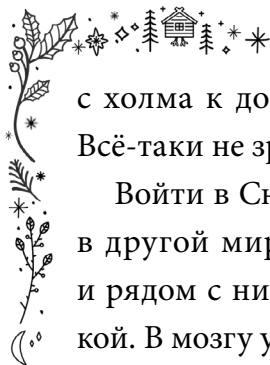
— Давай! — Сердце радостно подпрыгивает у меня в груди, но тут же падает, когда я вспоминаю, что на мне ботинки не для коньков — за зиму я выросла из целых трёх пар и не могу позволить себе обзавестись четвёртой. Меня здорово пугает, что я так быстро расту — настолько быстрее, чем в прошлые годы, что по ночам у меня ноют ноги. Я для вида хлопаю себя по карманам и вздыхаю: — Тьфу ты, забыла коньки дома.

— Как, опять? — разочарованно бурчит Саша.

— Нисколько не обижусь, если ты прокатишься без меня.

Я останавливаюсь на вершине холма. Отсюда со склона сбегает покрытая ровной ледяной коркой дорожка, ведущая до Сашиного дома и дальше, до нашего с Мамочкой порога. Саша обожает коньки, он скользит по льду легко и изящно, как ласточка в полёте. Но сейчас он не надевает коньков.

— А, ладно, давай лучше вместе прогуляемся по лесу. — Он идёт к старому кривому вязу с шишковатым стволом, по которому мы маленькими любили взбираться. За вязом между деревьями петляет тропинка, оббегающая кругом наш и Сашин участки. Саша знает, что это моя любимая дорога

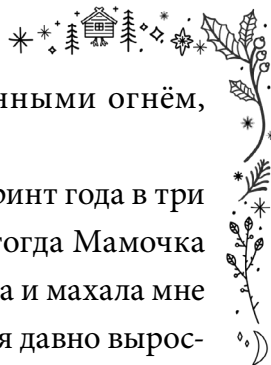
с холма к дому. У меня сразу теплеет на душе. Всё-таки не зря Саша мой лучший друг.

Войти в Снежный лес — всё равно что попасть в другой мир. Деревья высятся до самого неба, и рядом с ними я чувствую себя совсем маленькой. В мозгу у меня что-то щёлкает, и все мои чувства разом оживают. Иногда в лесу мне кажется, что я в шаге от своего прошлого и вот-вот услышу его в звуках ветра.

— Небось тоже праздника ждёшь, а? — спрашивает Саша, и глаза его сияют от предвкушения.

Я киваю. И перебираю в уме развлечения, которые ожидают нас завтра: будут всякие игры, музыка, представления, я буду наперегонки с Сашей скатываться на санках по обледеневшему за ночь склону холма и ещё побегу через огненный лабиринт, а возле выхода меня будут ожидать надёжные объятия Мамочки.

Вообще-то лабиринт никакой не огненный, а просто на широких подмостках развешивают шёлковые полотнища, разрезанные и раскрашенные так, чтобы напоминать трепещущие на ветру языки пламени. Состязания в лабиринте происходят под самый конец вечера: все гуртом забегают внутрь и стараются отыскать дорогу под вопли и смех тех, кто запутался в полотнищах или заблудился, а выигравшие выскакивают наружу с рас-

красневшимися, как будто опалёнными огнём, лицами.

В первый раз я бежала через лабиринт года в три или четыре и порядком трюсила, и тогда Мамочка встала у его противоположного конца и махала мне рукой, показывая, куда бежать. Хотя я давно выросла и уже не боюсь, Мамочка по-прежнему встречает меня у выхода из лабиринта.

— Я больше всего жду осады ледяной крепости, — мечтательно говорит Саша и улыбается во весь рот, — видела, какую в этот раз махину строили?

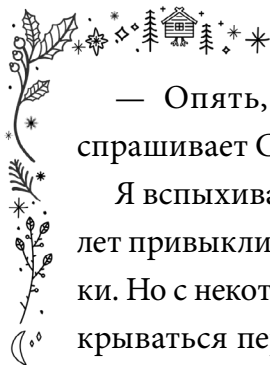
— Ага, повыше дома собраний будет, — рассеянно бормочу я, потому что сейчас меня больше всего занимают звуки леса. Я подныриваю под ветку, и снег с неё просыпается мне за шиворот.

У леса бывают свои настроения. Сейчас, например, он полон беспокойства — с веток тяжело шлёпается подтаявший снег, птицы взволнованно гомонят и хлопают крыльями, мелкое зверьё взбегает вверх по стволам, снуёт по прорытым в снегу ходам.

Саша говорит о завтрашних аттракционах, но я почти не понимаю его, взбудораженная странным чувством: лес пытается что-то сказать мне.

— Янка? — окликает меня Саша.

— А? Что?

— Опять, что ли, лес слушала? — с улыбкой спрашивает Саша. — И как, сказал он тебе, кто ты?

Я вспыхиваю от смущения. Мы с Сашей с малых лет привыкли выкладывать друг другу всё без утайки. Но с некоторых пор мне не хочется до конца раскрываться перед ним. Пусть бы он лучше не знал, что я слышу голоса леса или что я жажду узнать о своём прошлом.

— Мне зайти за тобой завтра? — спрашивает Саша.

— Не-а, я должна помочь Мамочке отвезти её снадобья на ярмарку и ещё установить ей палатку, так что мы выезжаем на рассвете.

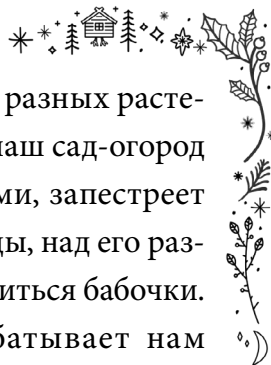
— Давай зайду, заодно и пособию вам.

— Вовсе это не обязательно.

— Я сам так хочу. Родители на заре поедут за бабушкой с дедом, уже и сани приготовили, так что завтра утром я вольная птица, — кричит Саша и бежит через сад, расположенный на задах их дома. — До завтра, Янка!

Я сворачиваю к нашему с Мамочкой саду и остаиваюсь под соснами на его краю, потому что хочу ещё хоть чуть-чуть побыть возле леса.

Наш сад, как и Сашин, подходит к самому лесу и ничем не отгорожен. Сейчас это всего лишь клочок голой, укутанной снежным покрывалом земли, но, как пройдёт Великотаяние снегов, мы с Мамоч-

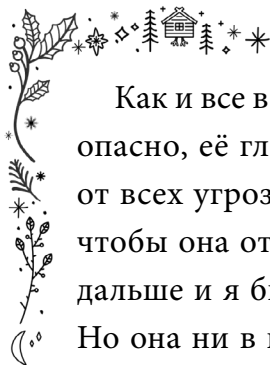

кой вскопаем его и засеем семенами разных растений. К приходу долгих летних дней наш сад-огород оживёт, зазеленеет буйными травами, запестреет цветами, народит первые плоды-ягоды, над его разнотравьем будут танцевать пчёлы и виться бабочки.

Мамочка — травница и зарабатывает нам на жизнь тем, что собирает целебные травы, высушивает их, измельчает, перемешивает и изготавливает из них снадобья от всех болезней. Если я заболела, Мамочка знает, каким настоем поить меня, чтобы мне полегчало. Этой зимой она сделала для меня особое притирание, стоило мне пожаловаться, что по ночам у меня ломит ноги.

У нас говорят, что Мамочка умеет вылечить что угодно — а стоит ей захотеть, так и само небо вылечит, чтоб не кровоточило на закате! А всё потому, что в ней живёт мудрость Снежного леса. Мамочка и сама словно лес — неистовая и яростная, а в то же время кроткая и ласковая. Руки у неё гладкие, но при этом твёрдые, как молодая кора. Волосы тёмные, как тени между соснами. И от неё веет сладостью липового цвета.

Когда Мамочка была помоложе, она ходила собирать травы и ягоды для своих снадобий в самую глубь леса. Там-то она и нашла меня возле медвежьей берлоги. Теперь она в лес ни ногой, потому что все нужные травы произрастают в нашем саду-огороде.

Как и все в деревне, Мамочка твердит, что в лесу опасно, её главное дело в жизни — беречь меня от всех угроз и напастей. Я же только и мечтаю, чтобы она отпускала меня в лес хоть на чуточку дальше и я бы могла поразведать, что там и как. Но она ни в какую — говорит, а вдруг ты заблудишься, замёрзнешь или, того хуже, на тебя набросятся хищники, что водятся в чащах.

Вдруг я замечаю алый всполох на ветке дерева. Смотри-ка, ещё один упитанный, кругленький, как шарик, снегирь. Я улыбаюсь ему и сую руку в карман, где у меня всегда припасены для птиц семечки. Кладу их на раскрытую ладонь и издаю мелодичное печальное «фью-у», подражая его свисту.

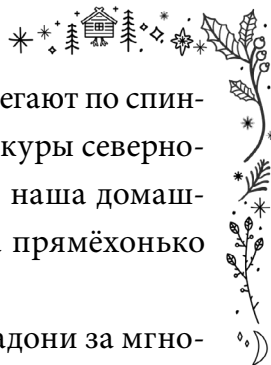
Снегирь склоняет чёрную головку, переступает лапками вниз по ветке. Потом слетает ко мне на ладонь и трепещет крылышками.

— Янка!

У меня перехватывает дыхание. Чем угодно клянись, он произнёс моё имя.

— Янка! — снова зовёт снегирь. — Янка-Медведь! Возвращайся в лес!

Таращусь на него, разинув рот. Я услышала всего лишь «фью-фью-у», но поняла смысл. Наклоняюсь к снегiry в надежде, что он просвистит мне что-нибудь ещё.

Но крохотные лапки уже резво избегают по спинке моего нагольного тулупчика из шкуры северного оленя, и шустрый Мышеловчик, наша домашняя ласка, бросается с моего плеча прямёхонько на бедную птичку.

Снегирь успевает вспорхнуть с ладони за мгновение до того, как на неё пикирует Мышеловчик, во все стороны размётывая по снегу семечки. Зверёк обвивает своё длинное тельце вокруг моего запястья и, невинно глядя на меня, облизывается.

Я сердито смотрю в его глазки-бусинки и качаю головой:

— Не смей охотиться на птиц, когда я их кормлю. Тебе что, мышей дома мало?

Мышеловчик встряхивается, распушая свой мех, спрыгивает на землю и рыжей стрелкой мчится через заснеженный сад. В отличие от своих сородичей Мышеловчик не меняет на зиму мех с буро-рыжего на белоснежный, потому что зимует дома в тепле.

Мамочка стучит в окно кухни: «Хочешь сбить?» В руке у неё моя любимая жёлтая кружка. От одного слова «сбить» у меня теплеет на душе в предвкушении горячей медовой сладости.

Я оглядываюсь в поисках снегиря, но его и след простыл. Говорю себе, что мне только показалось, будто я поняла его свист, но сердцем чую, что нет,

**Почитать описание и заказать
в МИФе**

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Детские книги:

